

УДК 94(470) „19” XX в.

**«Раскулачивание» как ведущее направление репрессивной политики
советского государства в деревне в 1930-х гг.
(на материалах Юга России)**

¹ Виталий Александрович Бондарев

² Александр Сергеевич Левакин

¹ Южно-российский государственный технический университет, Россия
доктор исторических наук, профессор

² Южно-российский государственный технический университет, Россия
кандидат исторических наук

Аннотация. В статье на материалах Дона, Кубани и Ставрополя освещается процесс «раскулачивания», сопровождавший и стимулировавший сплошную форсированную коллективизацию в конце 1920-х – 1930-х гг. Указаны идеологические мотивы и масштабы «раскулачивания», охарактеризована практика его осуществления и временные рамки. Подтвержден тезис о том, что «раскулачивание» имело ярко выраженный социально-политический характер и тем самым представляло собой разновидность репрессий, направленных сталинским режимом против крестьянства.

Ключевые слова: коллективизация; колхозы; крестьянство; «кулаки»; «раскулачивание»; репрессии; советская власть.

Введение. В советской историографии, базировавшейся на коммунистических идеологемах, раскулачивание трактовалось как процесс ликвидации сельских эксплуататоров-кулаков силами самих крестьян при поддержке государства. В знаменитом «Кратком курсе истории ВКП(б)» утверждалось, что в ходе сплошной коллективизации крестьяне первым делом «сгоняли кулаков с земли, раскулачивали их, отбирали скот, машины и требовали от Советской власти ареста и выселения кулаков» [1]. Тем самым раскулачивание подавалось как очередной этап классовой борьбы в деревне, закончившийся ликвидацией эксплуататорской верхушки сельского населения.

Подобные трактовки раскулачивания подвергались критике уже со стороны современников: немало сельских жителей обоснованно замечали, что большевики слишком уж расширяют понятие «кулак», распространяя его не только на эксплуататоров или просто богатых крестьян, но и на всех своих противников в деревне. В постсоветский период, когда исследователи получили доступ к ранее засекреченным документам и возможность объективно освещать процесс коллективизации, такого рода критические замечания в адрес советских трактовок раскулачивания получили полное подтверждение. Специалисты справедливо указывают, что так называемое «раскулачивание» (которое, соответственно, заслуживает того, чтобы помещать его в кавычки) представляло собой не столько ликвидацию сельских эксплуататоров, сколько комплекс мер, направленных на слом протестных настроений в деревне, стимулирование притока новых членов в поспешно создававшиеся коллективные хозяйства и укрепление колхозной системы. Манипулируя понятием «кулак», произвольно и безосновательно расширяя границы данной социальной группы, сталинский режим успешно оправдывал применение репрессий не только в отношении зажиточной верхушки крестьянства, но и всех оппозиционно настроенных жителей села. В итоге можно утверждать, что «раскулачивание» представляло собой идеологически закамуфлированные репрессивные акции в отношении всех тех крестьян и, в более широком смысле, сельских жителей, которые являлись противниками сталинского режима или рассматривались самим режимом в качестве таковых.

Трактовка «раскулачивания» как комплекса репрессивных акций, направленных против широких слоев сельского населения, находит подтверждение при анализе не только общероссийских, но и региональных материалов. Приоритетными и репрезентативными представляются материалы ведущих аграрных регионов СССР, в которых, согласно постановлению ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г., коллективизация проводилась в первую

очередь и в сжатые сроки. К числу таких регионов в упомянутом постановлении был отнесен и Северный Кавказ, под которым подразумевались не национальные автономии горцев (ибо они, в силу природных условий, не имели развитого полеводства и не привлекали пристального внимания коллективизаторов), а Дон, Кубань, Ставрополье – территории, традиционно причисляемые к Югу России.

Как и по всей стране, «раскулачивание» на Юге России отличалось широкими масштабами в силу неправомерного расширительного толкования понятия «кулак» и придания ему не только социально-экономического, но также и социально-политического содержания (причем, второе преобладало над первым). По справедливому замечанию Н.А. Ивницкого, к исходу 1920-х гг. у советского государства не имелось «четких критериев при определении социальных слоев. Это привело к тому, что в годы коллективизации, когда началась экспроприация кулаков, в их число попадали и середняки, и бедняки, если они не хотели вступать в колхозы» [2]. Более того, «кулаками» в данное время объявлялись все противники советской власти, так что имущественное положение и род занятий конкретного обвиняемого в принадлежности к «кулачеству» не имели значения. Характерно, что в мае 1930 г. партийные функционеры решительно возражали комиссии ЦК ВКП(б) по определению неправильно высланных в Северный край, которая требовала реабилитировать бедняков и середняков, огульно причисленных к «кулакам» и депортированных из родных краев. Основанием для возражений выступало то, что членами комиссии при разборе дел «кулаков» из Украины и Белоруссии принималась во внимание только социальная принадлежность неправильно «раскулаченных» сельских жителей. Но ими не были учтены «ни прошлый бандитизм, ни пограничное положение [районов Украины и Белоруссии], а это обстоятельство вносит существенный корректив, так как с границы были высланы и бедняки, и середняки, связанные с Польшей, Румынией и т.д.» [3].

Если основываться на региональных южно-российских материалах, то ярким примером такой расширительной трактовки понятия «кулак» может служить проект постановления бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) об административном выселении «кулацких» хозяйств, разработанный в начале января 1930 г. Здесь к «кулакам» причислялись такие категории сельского населения, как «активные белогвардейцы в прошлом», «казачьи идеологи и авторитеты», офицеры, репатрианты, сектанты и пр. [4]. Как видим, любой гражданин СССР, настроенный против большевистского политического режима или противившийся коллективизации, объявлялся «кулаком»: речь шла не о ликвидации эксплуататоров, а о терроре против критиков сталинской аграрной политики.

В итоге в начале 1930 г. к числу «кулацких» в Северо-Кавказском крае были отнесены, по самым скромным оценкам, более 42,3 тыс. хозяйств [5]. Таким образом, под пресс «раскулачивания» попали десятки тысяч казаков и крестьян Дона, Кубани, Ставрополья, Терека.

В начале 1931 г. на Юге России начался второй этап «раскулачивания», ознаменовавшийся переселением 9–10 тыс. «кулацких» хозяйств из приморско-плавневой и лесогорной полосы Кубани и Черноморья на территорию Ставрополья. Осенью того же года по постановлению ЦК ВКП(б) из Северо-Кавказского края надлежало переселить «в Уральскую область» еще 15 тыс. кулацких хозяйств [6]. По данным В.Н. Земскова, в 1930–1931 гг. с Северного Кавказа были высланы на Урал в общей сложности почти 26 тыс. «кулацких» хозяйств [7]. Еще более 20 тыс. «кулацких» хозяйств расселили в пределах края.

В 1932 г. представители власти и сотрудники органов госбезопасности продолжали выискивать «кулаков» в Северо-Кавказском крае. С наибольшей активностью эти мероприятия осуществлялись осенью – зимой текущего года, что было обусловлено стремлением сталинского режима добиться от южно-российских колхозников и единоличников выполнения предъявленных им завышенных хлебозаготовительных планов. В условиях неурожайного 1932 г. хлеборобы не могли выполнить требования правительства, что было квалифицировано лидерами компартии как «кулацкий саботаж хлебозаготовок». Теперь ярлык «кулак» навешивался практически на каждого единоличника, колхозника, или даже работника колхозной администрации, которые были повинны в срыве реализации хлебозаготовительных планов. Частным примером «раскулачивания» образца 1932 г. служит депортация жителей 13 кубанских и 2 донских станиц, занесенных на «черную доску» за срыв хлебозаготовок. Из нескольких станиц жители были выселены практически

полностью, в других депортация коснулась части населения. По данным Е.Н. Осколкова, из станиц были выселены, в общей сложности, не менее 61,6 тыс. человек [8].

В январе 1933 г. И.В. Сталин объявил о завершении сплошной коллективизации в основных сельскохозяйственных районах СССР [9]. Однако это не означало прекращения мер в отношении «кулаков». Хотя «беспрецедентная по своему масштабу и жестокости кампания раскулачивания, казалось бы, не оставила в деревне даже воспоминаний об этой социальной категории» [10], представители власти продолжали утверждать, что «кулак имеет еще свои корешки» [11], что представители «кулачества» злонамеренно «пролезли» в колхозы и ведут усиленную «вредительскую работу». Такие заявления со всей очевидностью свидетельствовали о том, что «раскулачивание» представляло собой именно комплекс последовательных репрессивных акций против всех противников правившего в СССР политического режима.

Конечно, не приходится сомневаться в том, что в начале – первой половине 1930-х гг. представители зажиточных слоев крестьянства (которые в глазах большевиков и выглядели «кулаками»), действительно, присутствовали как среди рядовых колхозников, так и в составе колхозной администрации. Ведь крестьяне проявляли уважение к умелым и успешным хозяевам (если только те не занимались спекуляцией и ростовщичеством, осуждаемым в деревне) и были готовы поставить их во главе коллективного хозяйства. Кроме того, знания и умения многих «кулаков» были востребованы в колхозах, которые в массе своей испытывали острый дефицит специалистов. Заметно превосходя односельчан по уровню грамотности, «кулаки» нередко становились колхозными бухгалтерами, счетоводами, учетчиками. У подавляющего большинства «кулаков» в доколхозные времена имелись молотилки, локомобили, сноповязалки, даже тракторы. В итоге, обладая необходимыми навыками использования техники, они пополняли ряды механизаторов в колхозах и машинно-тракторных станциях. В 1932 г. в советской прессе указывалось, что колхозники нередко приглашали на должности кладовщиков и учетчиков «всяких "бывших" (попов, псаломщиков, торговцев, писарей) под видом того, что, дескать, в кладовщики и учетчики требуются люди "грамотные" и "опытные"» [12]. Констатировалось, что, «наряду с стремлением захватить учетный аппарат в колхозе, кулацкие элементы стремятся также сесть на трактор, заведывать какой-либо отраслью хозяйства, складом и быть бригадиром» [13].

Региональные материалы подтверждают эти заявления. Так, в августе 1933 г. в Скосырской МТС Тагинского района Северо-Кавказского края, по сообщениям сотрудников ОГПУ, кузнецом работал «кулак», которому в прошлом принадлежала паромолотилка, а механиками – «кулаки», имевшие до коллективизации двигатель и мельничный постав. Причем на требование ОГПУ «очистить» станцию от «классово-чуждых элементов» начальник политотдела МТС заявил, что «чистить сейчас нельзя, так как некем будет их заменить» [14]. Любопытно, что сходный случай произошел весной 1933 г. в Каневской МТС. Здесь механиком в машинно-тракторной мастерской (МТМ) работал некто Прудков, обвиненный во вредительстве. Но райком ВКП(б) и даже политотдел МТС выступили против его ареста, заявив, «что если взять Прудкова, то вся работа встанет, ибо он хотя и вредит, но, кроме его, в МТМ не знают хорошо трактора» [15].

В подавляющем большинстве случаев эти «колхозные кулаки» критически оценивали устройство и порядок функционирования коллективных хозяйств, но не имели сил и желания бороться против колхозной системы. В основной своей массе они готовы были добросовестно трудиться и в колхозах, несмотря на отталкивающие черты этих огосударственных сельхозпредприятий: отчуждение работников от органов управления, от средств производства и произведенной продукции и пр. Тем не менее сталинский режим объявлял этих людей ответственными за все провалы в деятельности колхозов и подвергал репрессиям. Для партийно-советского руководства это была наиболее удобная тактика: вместо того, чтобы признавать изначальную нежизнеспособность множества поспешно созданных колхозов (и тем самым ставить под сомнение непогрешимый тезис о «единственно верном» пути – сплошной коллективизации), выгоднее было объявлять перманентные кризисы колхозной системы следствием повсеместного «кулацкого вредительства». Как известно, такой подход был освящен в речи И.В. Сталина «О работе в деревне», произнесенной им на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 1933 г. [16]

Подчеркнем, что при таком «раскулачивании» прошлая социальная принадлежность и имущественное положение не являлись той лакмусовой бумажкой, с помощью которой можно было безошибочно установить «колхозного кулака». Подобный ярлык мог быть навешен практически на любого представителя колхозной администрации или рядового члена колхоза, даже если тот являлся стопроцентным бедняком или батраком. Для этого достаточно было не выполнить распоряжений вышестоящего руководства, а уж тем более – оспорить их. Как объяснял участникам первого Северо-Кавказского краевого съезда колхозников-ударников полномочный представитель ОГПУ Курский в марте 1934 г., «кулак», опасаясь разоблачения, уже не стремился на руководящие должности в колхозах, а старался протолкнуть на них своих агентов: «он переходит к методу подсовывания на должность учетчика своего агента, своего подкулачника. Он подчас плохим нашим руководителям подсовывает батрака или бедняка» [17]. Таким образом, даже батрак или бедняк мог превратиться в условиях колхозной системы в «кулака», что служило основой для продолжения «раскулачивания».

В 1933–1934 гг. немало представителей колхозной администрации (в меньшей мере – рядовые колхозники) были «вычищены» из коллективных хозяйств Дона, Кубани и Ставрополя органами ОГПУ и политотделами МТС как «классово-чуждые элементы». Так, согласно отчетам ряда политотделов машинно-тракторных станций МТС Северо-Кавказского края за 1933 г., из 1 533 председателей колхозов, расположенных на подведомственной им территории, за год было «вычищено» 279 (18,2 %), из 1 505 колхозных завхозов – 310 (20,6 %), из 2 732 бухгалтеров и счетоводов – 377 (13,7 %), из 2 394 кладовщиков – 395 (16,4 %), из 6 654 бригадиров – 931 (13,9 %) [18].

Более того, представители власти отыскивали в коллективных хозяйствах «кулаков», причем зачастую именно среди колхозных управленцев, даже во второй половине 1930-х гг., когда, казалось, от этой социальной категории остались одни воспоминания. Так, в докладной записке «О положении в Чернышевском районе [Ростовской области]», подготовленной осенью 1937 г. одним из инструкторов Ростовского обкома ВКП(б), на основании ряда примеров безапелляционно утверждалось, что «одной из причин провала работы колхозов района надо считать огромную засоренность [их «кулаками»] и выдвижение райкомом руководящих работников колхозов из числа классово-чуждых и вражеских элементов» [19]. Если верить «не подлежащему опубликованию в печати» постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О нарушениях устава сельхозартели в колхозах Орджоникидзево-Ставропольского (ныне Ставропольского, – *авт.*) края» от 30 декабря 1938 г., то даже в это время там существовали так называемые «лжеколхозы» (промышленные артели и пр.), в которых сохранялись «фактически полностью единоличные хозяйства, а нередко и хозяйства кулаков» [20].

Говоря об антикулацких мерах партийно-советских органов во второй половине 1930-х гг., нельзя умолчать о масштабной репрессивной операции НКВД против «бывших кулаков», а также «уголовников и других антисоветских элементов», проведенной в 1937 г. Особенность данной операции состояла в том, что репрессиям (расстрелам или длительному заключению в лагерях) подлежали те «кулаки», которые уже отбыли наказание в местах не столь отдаленных и возвратились в родные деревни, села, станицы. В оперативном приказе НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г., провозглашавшем начало этой «кулацкой операции», предусматривалось проведение репрессий лишь против тех «кулаков» и других асоциальных категорий сельского населения, которые так или иначе демонстрировали свою враждебность советской власти. В реальности же репрессивные меры были нацелены на устрашение населения коллективизированной деревни, которое на печальной судьбе «бывших кулаков» должно было сделать однозначный вывод о том, что изъявление полной покорности сталинскому режиму есть жизненная необходимость. По этому поводу В.П. Данилов справедливо отметил, что в 1937 г. «административным (внесудебным) репрессиям подлежали все раскулаченные, отбывшие, как правило, пятилетние сроки в лагерях ГУЛАГ и возвратившиеся в свои родные края. В этом и состояло их преступление: они знали и могли сказать о том в сталинском режиме, что противоречило всем нормам человечности... Задача состояла в массовых расстрелах, которые посеют страх и сами по себе заставят подчиниться и замолкнуть всех» [21].

Согласно оперативному приказу 00447, подлежащие репрессиям «кулаки» и другие «антисоветские элементы» делились на две категории. Представители первой категории

подлежали аресту и расстрелу, второй – аресту и заключению в лагеря или тюрьмы сроком на 8–10 лет. В целом по СССР численность подлежащих репрессиям «антисоветских элементов» в деревне составляла около 269 тыс. человек, в том числе на Дону, Кубани и Ставрополье – 18 тыс. [22]. Столь масштабные репрессии практически полностью ликвидировали остаточные элементы «кулачества» в коллективизированной советской деревне. Кроме того, в данное время социальная напряженность и протестные настроения в колхозной деревне заметно снизились: отчасти вследствие улучшения условий жизни, отчасти по причине ликвидации большинства противников сталинского режима. Дальнейшие масштабные репрессивные акции в деревне были уже не нужны. Поэтому у наркома земледелия СССР А.А. Андреева были все основания для того, чтобы торжествуяще провозгласить на проходившем в марте 1939 г. XVIII съезде ВКП(б), что «класс кулаков ликвидирован» [23].

Заключение. Итак, значительная темпоральная протяженность «раскулачивания», как и высокая численность его жертв (которых было намного больше, чем «кулаков», учтенных советской статистикой к началу 1930-х гг.), позволяют утверждать, что в данном случае перед нами не столько меры по экспроприации и ликвидации сельских эксплуататоров, сколько комплекс репрессивных акций в отношении противников сталинского режима либо тех лиц, кого, к их несчастью, режим считал враждебными себе или в чем-либо провинившимися. «Раскулачивание» позволило творцам коллективизации успешно осуществить указанную политику, заставив замолчать или устранив из деревни всех тех сельских жителей, которые выступали против нее.

Примечания:

1. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). М., 1950. С. 290.
2. Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар). Из выступления Н.А. Ивницкого // Отечественная история. 1995. № 3. С. 121.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 26. Л. 1.
4. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5-ти томах. 1927–1939. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Гл. ред. В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола. М., 2000. С. 100.
5. Там же. С. 642.
6. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1074. Л. 23, 30, 67–68.
7. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 119.
8. Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1–2. С. 18.
9. Сталин И.В. Итоги первой пятилетки. Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1952. С. 195.
10. Глумная М. К характеристике колхозного социума 1930-х годов (на материалах колхозов Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» / Под ред. Хироси Окуда. Токио, 2005. С. 265.
11. ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 101. Л. 173.
12. Львов А. Беспощадно бороться с расхитителями колхозного хлеба // Коллективист. 1932. № 17. С. 11.
13. Акулик, Воротницкий, Липман. Борьба за социалистическое перевоспитание колхозника // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 8. С. 19.
14. ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 23. Л. 21.
15. Государственный архив Ростовской области (ГА РО). Ф. р-1390. Оп. 6. Д. 3184. Л. 100.
16. Сталин И.В. О работе в деревне // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1952. С. 230.
17. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 179.

18. ГА РО. Ф. р-1390. Оп. 7. Д. 463. Л. 1–13, 15–19, 21–25, 27, 29–32, 34–37, 39–42, 44–53, 55, 58–63, 66–69, 71–75, 77–82, 84–86, 88–89, 92–97, 99, 101–105, 107, 109, 111–113, 116–123, 125–126, 128, 132–135, 137–141, 143, 145–156, 157–158, 160, 162, 164–166, 168–176, 178–179.
19. ЦДНИ РО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 201, 202.
20. Государственный архив Ставропольского края (ГА СК). Ф. р-2395. Оп. 5. Д. 1а. Л. 18.
21. Данилов В.П. Советская деревне в годы «Большого террора» // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5-ти томах. 1927–1939. Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937 / Гл. ред. В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола. М., 2004. С. 36.
22. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5-ти томах. 1927–1939. Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937 / Гл. ред. В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола. М., 2004. С. 332.
23. Речь А.А. Андреева на XVIII съезде ВКП(б) // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 5. С. 17.

References:

1. Istoriya Vsesoyuznoi kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Kratkii kurs / Pod red. komissii TsK VKP(b). M., 1950. S. 290.
2. Sovremennye kontseptsii agrarnogo razvitiya (Teoreticheskii seminar). Iz vystupeniya N.A. Ivnit'skogo // Otechestvennaya istoriya. 1995. № 3. S. 121.
3. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI). F. 17. Op. 120. D. 26. L. 1.
4. Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy v 5-ti tomakh. 1927–1939. T. 2. Noyabr' 1929 – dekabr' 1930 / Gl. red. V. Danilov, R. Manning, L. Viola. M., 2000. S. 100.
5. Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy v 5-ti tomakh. 1927–1939. T. 2. Noyabr' 1929 – dekabr' 1930 / Gl. red. V. Danilov, R. Manning, L. Viola. M., 2000. S. 642.
6. Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti (TsDNI RO). F. 7. Op. 1. D. 1074. L. 23, 30, 67–68.
7. Zemskov V.N. Sud'ba «kulatskoi ssylki» (1930–1954 gg.) // Otechestvennaya istoriya. 1994. № 1. S. 119.
8. Oskolkov E.N. Tragediya «chernodosochnykh» stanits: dokumenty i fakty // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. 1993. № 1–2. S. 18.
9. Stalin I.V. Itogi pervoi pyatiletki. Doklad na ob"edinennom plenumе TsK i TsKK VKP(b) 7 yanvarya 1933 g. // Stalin I.V. Sochineniya. T. 13. M., 1952. S. 195.
10. Glumnaya M. K kharakteristike kolkhoznogo sotsiuma 1930-kh godov (na materialakh kolkhozov Evropeiskogo Severa Rossii) // XX vek i sel'skaya Rossiya. Rossiiskie i yaponskie issledovateli v proekte «Istoriya rossiiskogo krest'yanstva v XX veke» / Pod red. Khirosi Okuda. Tokio, 2005. S. 265.
11. TsDNI RO. F. 166. Op. 1. D. 101. L. 173.
12. L'vov A. Besposhchadno borot'sya s raskhittelyami kolkhoznogo khleba // Kollektivist. 1932. № 17. S. 11.
13. Akulik, Vorotnitskii, Lipman. Bor'ba za sotsialisticheskoe perevospitanie kolkhoznika // Sotsialisticheskaya rekonstruktsiya sel'skogo khozyaistva. 1932. № 8. S. 19.
14. TsDNI RO. F. 166. Op. 1. D. 23. L. 21.
15. Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (GA RO). F. r-1390. Op. 6. D. 3184. L. 100.
16. Stalin I.V. O rabote v derevne // Stalin I.V. Sochineniya. T. 13. M., 1952. S. 230.
17. Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Stavropol'skogo kraya (GANI SK). F. 1. Op. 1. D. 42. L. 179.
18. GA RO. F. r-1390. Op. 7. Д. 463. Л. 1–13, 15–19, 21–25, 27, 29–32, 34–37, 39–42, 44–53, 55, 58–63, 66–69, 71–75, 77–82, 84–86, 88–89, 92–97, 99, 101–105, 107, 109, 111–113, 116–123, 125–126, 128, 132–135, 137–141, 143, 145–156, 157–158, 160, 162, 164–166, 168–176, 178–179.
19. TsDNI RO. F. 9. Op. 1. Д. 14. Л. 201, 202.
20. Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraya (GA SK). F. r-2395. Op. 5. Д. 1а. Л. 18.
21. Danilov V.P. Sovetskaya derevne v gody «Bol'shogo terrora» // Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy v 5-ti tomakh. 1927–1939. T. 5. 1937–1939. Kn. 1. 1937 / Gl. red. V. Danilov, R. Manning, L. Viola. M., 2004. S. 36.
22. Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy v 5-ti tomakh. 1927–1939. T. 5. 1937–1939. Kn. 1. 1937 / Gl. red. V. Danilov, R. Manning, L. Viola. M., 2004. S. 332.
23. Rech' A.A. Andreeva na XVIII s"ezde VKP(b) // Sotsialisticheskoe sel'skoe khozyaistvo. 1939. № 5. S. 17.

UDC 94

**«Dekulakization» as a Key Method in the Repression Politics of Soviet Government
Applied in Villages in 1930s (Based on Materials of Russian South)**

¹Vitaly A. Bondarev

²Aleksandr S. Levakin

¹South Russian State Technological University, Russia
PhD (History)

²South Russian State Technological University, Russia
PhD (History)

Abstract. The article is based on the historic files of Don, Kuban and Stavropol regions, which feature the 'dekulakization' procedures following the total collectivization at the end of 1920s – 1930s. The ideological motives, the scale and 'dekulakization' techniques are shown in this article. The theory of 'dekulakization' as a kind of Stalin's repressions against peasantry has been proved.

Keywords: collectivization; state farms; peasantry; 'kulaks'; 'dekulakization'; repressions; Soviet Government.